

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2026. Т. 9, № 2. С. 242–253.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2026. Vol. 9, no. 2. P. 242–253.

Рецензия / Review

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2026-9-2-242-253

ПОМИНКИ ПО СЛАВЯНОФИЛЬСТВУ

Рецензия на книгу: Аляев Геннадий, Оболевич Тереза. «С польским вопросом мы, русские, вообще недостаточно знакомы...». Евгений Трубецкой и Мариан Здзеховский. Зелена Гура: Oficyna wydawnicza uniwersytetu zielonogórskiego, 2025. 302 с.

Алексей Валерьевич Малинов

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия;
Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия, a.v.malinov@gmail.com

Ссылка для цитирования: Малинов А. В. Поминки по славянофильству // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2026. Т. 9, № 2. С. 242–253. doi:10.17323/2658-5413-2026-9-2-242-253.

Academic Life. Reviews

A WAKE FOR SLAVOPHILISM

Book review: Alyaev Gennady, Obolovich Teresa. “We Russians are Generally Insufficiently Familiar with the Polish Question...”. Evgeny Trubetskoy and Marian Zdziechowski. Zielona Góra: Zielonogórski University Press, 2025. 302 p.

Alexey V. Malinov

National Research University “Higher School of Economics”
(HSE University), St. Petersburg, Russia;
Sociological Institute of the RAS — Branch of the FCTAS of the RAS,
St. Petersburg, Russia, a.v.malinov@gmail.com

© Малинов А. В., 2026

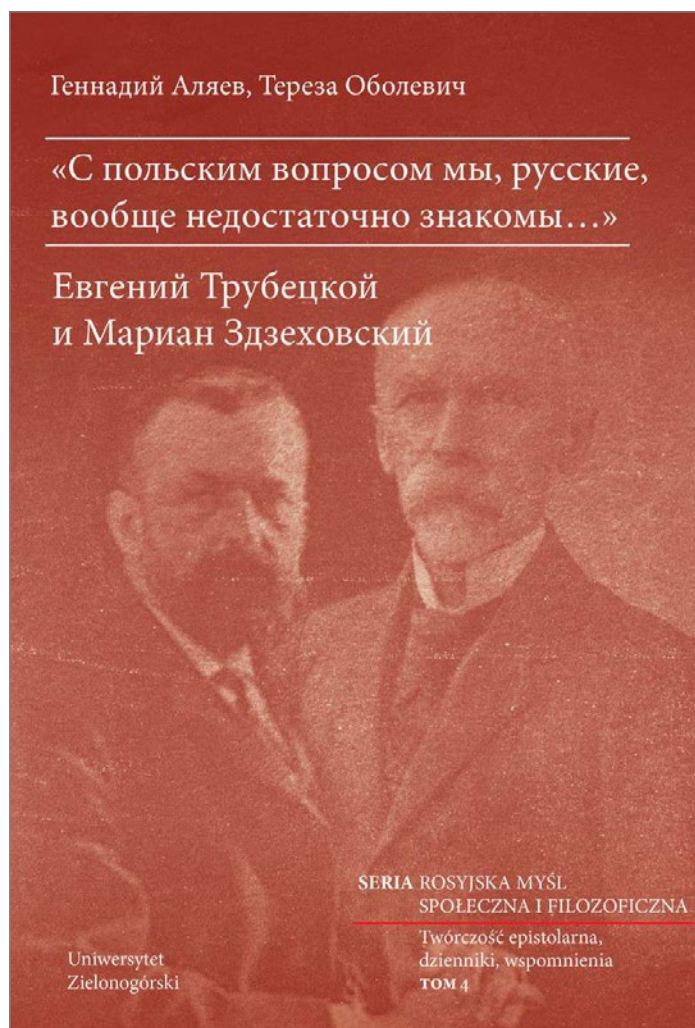

For citation: Malinov, A. V. (2026) “A Wake for Slavophilism”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 9(2), pp. 242–253. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2026-9-2-242-253.

«В ообщем нельзя не отметить тот странный факт, что имя Мариана Здзеховского, столь тесно связанного с русской культурой, как правило, остается за пределами внимания историков русской философии и других российских исследователей», — пишут авторы новой монографии, включающей переписку М. Здзеховского с Е. Н. Трубецким (с. 11). Примечательно, что сами авторы, с. Тереза Оболевич и Геннадий Евгеньевич Аляев, известные исследователи русской философии, работают в Кракове и Полтаве. Стараниями Г. Е. Аляева на Украине до 2014 года проводились регулярные конференции по истории русской философии, издавался «Вестник Общества русской философии при Украинском философском фонде» и многочисленные сборники (см.: [Суходуб, 2018; Аляев, Суходуб, 2021]). Терезе Оболевич удалось организовать уникальную кафедру русской и византийской философии в Папском университете Иоанна Павла II в Кракове и проводить ежегодные конференции по русской философии «Краковские встречи». Монография издана на русском языке в Польше в книжной серии «Rosyjska myśl społeczna i filozoficzna», выходящей в Зеленогурском университете, где благодаря профессору Лилианне Киейзик существует еще один исследовательский центр «Русская философия»¹.

Во «Введении» авторы следующим образом поясняют структуру своего труда: «Настоящая книга состоит из трех частей. В первой — исследовательской — части описан исторический и политический контекст, в котором развивались отношения Мариана Здзеховского и Евгения Николаевича Трубецкого, нашедшие отражение в их переписке. Во второй части публикуется (впервые полностью и на языке оригинала) сохранившаяся и известная на настоящий момент часть этой переписки — всего 29 писем из архивов Вильнюса, Киева и Санкт-Петербурга. Третья часть книги содержит приложения, в которых впервые публикуются письмо Е. Н. Трубецкого к А. Р. Ледницкому и два его письма к М. В. Ледницкой, письма В. А. Трубецкой, К. А. Хрептовича-Бутенёва и М. К. Трубецкой к М. Здзеховскому, одно письмо М. Здзеховского к кн. Г. Н. Трубецкому, а также полные тексты (по автографам, сохранившимся в архивах) речи М. Здзеховского при закрытии Польско-русского съезда в 1905 г. и вступления, которое он написал в связи с публикацией писем

¹ См.: URL: <https://filozofiarosyjska.uz.zgora.pl/> (дата обращения: 03.04.2026).

Григория Трубецкого в сборнике его памяти» (с. 11–12).

В книге на основе опубликованных источников и архивного эпистолярного наследия почти с протокольной точностью ежедневника воспроизводится история взаимных отношений Мариана Эдмундовича Здзеховского (1861–1938) и Евгения Николаевича Трубецкого (1863–1920). Их знакомство состоялось в 1905 году в Киеве по инициативе Здзеховского. В том же году польский профессор познакомился в Москве с его братом Сергеем Николаевичем. Это не были первые контакты Здзеховского с русскими учеными. Ранее он переписывался с Б. Н. Чичериным, дважды встречался с В. С. Соловьевым, которому посвятил несколько ста-

тей. Однако после 1905 года это взаимодействие стало более интенсивным. В апреле 1905 года он принял участие в польско-русском съезде в Москве, а в сентябре присутствовал на съезде земских и городских деятелей. В скором времени началось его сотрудничество с издаваемым Е. Н. Трубецким «Московским еженедельником» (1906–1910). Главный вопрос, занимавший Здзеховского, с которым он обращался к своим московским корреспондентам — «отношение к национальному вопросу в России и конкретно к польскому вопросу» [Дианова, 2019, с. 114]. Во время Первой мировой войны Здзеховский оказался на территории России. Его деятельность в эти годы и публицистика подробно освещаются в монографии. Перемены в русском обществе и государстве, ставшие следствием Первой русской революции (1905–1907) давали надежду на политическое решение польского вопроса, что и послужило основой для более тесного общения Здзеховского с умеренной русской оппозицией. «В целом же переписка М. Здзеховского и Е. Трубецкого, — пишут авторы, — подтверждает тот факт, что в первый год русской революции возникли благоприятные условия для сближения идейно-политических позиций тех кругов польского

общества, которые готовы были искать освобождение Польши в союзе с обновляющейся Россией, с теми российскими общественными силами, которые стремились к демократическому переустройству России, составной частью которого видели отказ от политики насильственной русификации и максимальное расширение прав входящих в империю народов» (с. 35). Обстоятельства диалога Здзеховского с Е. Н. Трубецким и его окружением детально рассматриваются в исследовательской части книги, а публикуемые во второй части письма оживляют изложение личными интонациями и бытовыми подробностями. Издание отличается предельной добросовестностью и полнотой комментариев, корректностью формулировок и непредвзятостью интерпретаций, которые не способна дискредитировать даже ложка рецензентской субъективности. Философский сюжет книги раскрывается через личность ее героев и их поучительную судьбу.

В период знакомства с Е. Н. Трубецким Здзеховский был экстраординарным профессором философского факультета Ягеллонского университета, председателем Славянского клуба (созданного в Кракове в декабре 1901 года) и сотрудником нового журнала этого клуба «Świat Słowiański» («Славянский мир») (1901–1914). Можно напомнить, что еще в 1895 году профессор Петербургского университета В. И. Ламанский предпринял попытку издавать журнал «Славянский мир», который не был разрешен Министерством народного просвещения. Как филолог-русист Здзеховский имел многочисленные контакты с русскими философами. Основные его труды были написаны по-польски, но некоторые публиковались и на русском языке, в том числе статьи в русской периодике. Ряд исследований Здзеховского были посвящены славянофилам и русской религиозной мысли. Прежде всего это его монография «Очерки из психологии славянского племени. Славянофилы» (1887) и ее расширенная польская версия «Mesjaniści i słowianofile. Szkice z psychologii narodów słowiańskich» (1888), что дало основание и его самого считать польским последователем славянофильства. Он предложил «толкования славянофильства как мистического патриотизма (что в известной степени можно расценивать как своего рода перевод славянофильства на польский язык)» [Аржакова, 2025, с. 108]. Среди поляков славянофильство приняло форму романтического мессианизма, поясняя который Здзеховский писал, что «в страдании очищается душа народа и получает чудотворную мощь пересоздания себя и пересоздания мира, водворения в нем нового высшего порядка, осуществляющего требования христианской совести. Это и есть мессианизм» [Здзеховский, 1915, с. 9]. По словам Л. М. Аржаковой, «Здзеховский пребывал в атмосфере, близкой к славянофильству, пусть переведенному на польский язык (деятельность

Славянского клуба служила тому подтверждением)» [Аржакова, 2025, с. 108]. Е. Н. Трубецкой, юрист по образованию и национально ориентированный мыслитель по складу своего мировоззрения, также не был лишен славянофильских симпатий. Однако публикуемые в монографии письма и приводимые свидетельства показывают скорее обратное. Несмотря на явные личные симпатии, близость политических взглядов и культурных интересов, Здзеховский и Е. Н. Трубецкой все больше расходились друг от друга. Если взять за точку отсчета славянофильство, то надо признать, что их взгляды мигрировали в противоположных направлениях: националистическом и государственно-имперском, которые в равной мере были несовместимы со славянофильством. Если Первая мировая война окончательно похоронила славянофильские (прежде всего, панславистские) иллюзии, то публикуемая переписка показывает, как девальвировались славянофильские идеалы даже в сознании таких интеллектуалов как Здзеховский и Е. Н. Трубецкой.

Прежде всего надо отметить, что переписка двух ученых, как и русскоязычная публицистика Здзеховского, почти не затрагивают философские вопросы, иллюстрируя скорее их политические, а не философские взгляды. Авторы монографии констатируют, что «вопросы религии, как и собственно философские темы не заняли существенного места в (...) переписке» (с. 14). Между тем главное, что до поры сближало двух мыслителей, — это религиозно-философское мировоззрение, основанное на христианском универсализме. В то же время переписка показывает, как каждый из них в разной степени изменял христианскому универсализму, когда дело доходило до так называемого «польского вопроса». «Здзеховский, — утверждают авторы книги, — видел близкие его христианскому мировоззрению идеи в русской философии, и вместе с тем искал в общественной мысли России те основания, на которых можно было бы строить подлинно равноправные, не отягощенные претензиями и обидами, недоверием и враждой, ненавистью и пролитой кровью русско-польские отношения» (с. 5). За чередой надежд и обольщений неизбежно наступало разочарование, обострявшее старые обиды. «Переписка с Е. Трубецким и публикации тех лет выразительно демонстрируют эту смену очарований и иллюзий разочарованиями и непониманием» (с. 102). При всей близости религиозно-философских установок, дружелюбию и даже, казалось бы, сомыслию, «польский вопрос» как какая-то злая сила разделял двух мыслителей. Им не всегда удавалось удержаться на тонкой грани, отделяющей патриотизм от национализма. Позже, во вступлении к публикации писем Г. Н. Трубецкого М. Здзеховский признавался, что «война показала, как трудно было согласовать русский и польский патриотизм» (с. 253). Славянофильство всегда

отличалось культурно-историческим дуализмом (иранство и кушинство, народы-завоеватели и народы-домостроители, романо-германский мир и греко-славянский мир, Россия и Запад и т.п.), упрощавшим оптику цивилизационного анализа. Теперь же дуализм расколол сознание самих национальных мыслителей. В мировоззрении Здзеховского видно несовместимое сочетание стремления понять Россию с польскими политическими фобиями.

Политические разногласия Е. Н. Трубецкого и Здзеховского вполне успешно могли быть разрешены на почве либерализма. Польский вопрос уже перешел в область историософии и демонов национального сознания. «Тень непонимания», по выражению авторов монографии, сгущавшаяся между двумя мыслителями и разделявшая их, была следствием абсурдной попытки совместить несовместимое: идеализм и политическую прагматику. «Польский вопрос» всегда был камнем преткновения для панславизма. Другое дело, что славянофильство не сводится к панславизму, а родоначальники славянофильства его и вовсе почти полностью игнорировали. Для Здзеховского «польский вопрос» — часть славянского вопроса. Исследовательская, публицистическая и общественная деятельность Здзеховского дает пример встречного движения к России без отказа от польских интересов. При этом, политизируя «польский вопрос», он явно отождествлял панславизм с практикой «панрусизма». Е. Н. Трубецкой также «осуждал русификаторскую политику царского режима и выступал за равноправие национальностей, связывая достижение этого равноправия с “торжеством оппозиции”». Но речь шла о равноправии в рамках *единого государства*» (с. 18). Е. Н. Трубецкой указывал, что полякам следует не только беспокоиться о своей автономии или даже независимости, но и заботиться о правах национальных меньшинств в самой Польше, то есть желать другим народам того же, что желают и себе самим.

Здзеховского и Е. Н. Трубецкого объединяла гуманистическая и либеральная точка зрения на «польский вопрос». Однако в ней было мало практического смысла; она оставалась на уровне пожеланий, мечтаний, идеальных установок. Политическая реальность поляризировала «польский вопрос» между государственными интересами, с одной стороны, и националистической непримиримостью — с другой. Для ее преодоления необходимо было занять метапозицию, так сказать, подняться на цивилизационный уровень, на что в переписке, к сожалению, Здзеховский и Е. Н. Трубецкой оказались не способны. Кровавое море революционных событий и надвигающейся мировой бойни, политические сдвиги, на фоне которых продолжалось их общение, постоянно приземляли обоих мыслителей. Их идеализм не мог устоять перед политическими искушениями. Воплощающаяся, казалось бы, до близости тактильного

присутствия реальность государственно-национальных обретений или утрат закрывала другую перспективу восприятия «польского вопроса», в которой Россия и Польша предстают историческими индивидуальностями разных порядков, даже разных цивилизационных миров. Если Россия претендует на то, чтобы быть самостоятельным цивилизационным центром, то Польша — горделиво довольствуется периферией западной цивилизации. Славянофилы подчеркивали, что здесь речь идет о выборе между самобытным культурным (а при смещении акцентов и историческим) творчеством и культурной второсортностью. Польский выбор был сделан задолго до Здзеховского и краковский профессор не смог а, вероятно, и не стремился его изменить. Разрушительную силу «языческого национализма», по выражению Е. Н. Трубецкого, хорошо иллюстрируют и современные события. Но такой выбор по существу означает измену христианству. Ведь если «польская идея» — это идея политической независимости (с. 77), даже более определенно — «суровая, аскетическая религия отечества» [Здзеховский, 1915, с. 6], то «русская идея» — всечеловеческая, христианская. Однако ее при этом парадоксальным образом не проговаривает Е. Н. Трубецкой в своих письмах. Какое-то духовное затмение не позволяет им обоим мыслить поверх времени и сверх государственных интересов. Национализм, вероятно, и в правду не соответствует сверхчеловеческому и сверхисторическому замыслу о России. Он не победил в России, но перемог в Польше, поэтому столь непомерными сейчас кажутся страхи перед русским национализмом, звучавшие в письмах. Изменчивость политических конфигураций, недолговечность империй, как показали разворачивавшиеся перед ними события, казалось бы, должны были обратить к пониманию цивилизационных процессов и месту в них России и Польши. Осознание алогичности истории прорывается в посланиях Е. Н. Трубецкого, наполненных предчувствием трагической безысходности. Так, в декабре 1905 года он признавался Здзеховскому: «Россия и до сих пор спасалась не человеческой мудростью, а вопреки человеческому безумию — Высшею Силою, в которую я верю» (с. 151).

Личная близость к В. С. Соловьеву и творческое продумывание философии всеединства Е. Н. Трубецким создавало дополнительные точки соприкосновения с Здзеховским, для которого В. С. Соловьев оставался одним из главных предметов его философских интересов. Тем более странно выглядит игнорирование обоими принципов «христианской политики», предложенных В. С. Соловьевым, что лишь подчеркивает узость национально ориентированных мыслителей. В. С. Соловьев, как и критикуемые им славянофилы, гораздо шире смотрел на политические вопросы. Собственно, от славянофильской программы у Здзеховского и Е. Н. Трубецкого остался только либерализм.

Славянофильством прикрывались национальные, хотя и славянские интересы, все менее отличимые от национализма. Славянофилы, признавая за народом творческую силу, видели в национализме начало разрушительное и антикультурное. В. С. Соловьев в пылу журнальной полемики обвинявший славянофилов в грехе национальной гордыни, призывал только Россию к национальному и культурному самоотречению, не предполагая, что такое самоотречение и самоограничение должно быть взаимным, то есть встречным.

В письмах Здзеховского и Е. Н. Трубецкого изредка звучат отголоски мечтательного славянофильства, прежде всего в причитаниях о «русской душе» и «польском сердце». Однако в «чугунный век» (выражение А. С. Хомякова) позитивизма уже было невозможно вернуться к романтическим идеалам. Романтизм и в этом смысле гетерохронность славянофилов были очевидны для Здзеховского. «После 1863 г. наступает резкий поворот от романтизма к реализму», — проводил он границу в польском национально-религиозном сознании [Здзеховский, 1915, с. 10]. Отсылку к славянофильству можно объяснить лишь исторической инерцией и данью культурной традиции, намекавшей на возможность единства России и Польши в умозрительной историософской перспективе. Время славянофилов уже истекло, а воодушевлявшие когда-то смыслы оказались опопшлены и приватизированы полицейско-бюрократическими и шовинистическими кругами. Последним подлинным славянофилом, пожалуй, в эти годы пребывал почти уже отошедший от дел В. И. Ламанский, истерпанность славянофильства для которого была очевидна уже в конце 1880-х годов. Оставались даже не эпигоны, а пигмеи славянофильства. Здзеховский при сознательно культивируемом русофильстве не мог примирить польское национальное сознание с идеей славянской взаимности. И дело здесь не в польском национальном эгоизме, интеллигентской непоследовательности или непрактичности интеллектуала, а в изживании славянофильства. Судьба Здзеховского окончательно разрушает иллюзию о славянофильстве поляков. Примечательно, что он сам признавал одиночество в «польской политической литературе» Ю. Мошинского, призывавшего к сотрудничеству двух народов [Здзеховский, 1915, с. 19]. В ноябре 1912 года, понимая, что польские интересы разошлись со славянскими, что национализм в Польше пересилил славизм и поляки становятся «пассивным орудием германизма», Е. Н. Трубецкой предостерегал, что «если, в самом деле, Польша соединится с башибузуками и немцами против всего славянства, то Россия, конечно, имеет право осуществлять славянское единство без Польши и даже против нее!» (с. 185). Приводимые в монографии свидетельства хорошо показывают, что реальность славянского единства вызывала у Здзеховского опасения, что в России и русском государстве поляки видят даже

не препятствие своей политической независимости, а угрозу утраты самой народности. Славянское сознание и идея славянского единства не совместимы с польской политической грезой. «Я слишком ясно видел, — писал Здеховский, предваряя публикацию своих писем к Г. Н. Трубецкому, — что государственная мощь России направлена к уничтожению Польского народа и что превращение Польши в какой-то обезличенный Привислинский Край составляет одну из главных целей ее политики» (с. 251). Славянофильство Здеховского заканчивается, когда он сталкивается с примерами славянского, а не польского национального сознания, утраты которого он больше всего боится. Национальные интересы для Здеховского были важнее общеславянских, в то время как для Е. Н. Трубецкого важнее были интересы государственные. При этом никого из них нельзя упрекнуть в неискренности или притворстве. Их славянофильство было самовнушением и самообманом. Признавая историческую и творческую силу за народом, славянофилы видели в государстве силу служебную, вспомогательную. Здеховский и Е. Н. Трубецкой оба сосредоточены на государстве: в одном случае на национальном (Польша), в другом — на империи (Россия).

Реальность славянского единства, как прекрасно понимал, например, В. И. Ламанский, заключается не в политической независимости, а в ментальном единстве, в общем духовном пространстве. Серьезным препятствием здесь, конечно, выступали религиозные различия, которые полностью не устранимы, потому что центр польской религиозности лежит вне Польши. В этом отношении Польша духовно не независима. По этой причине при всей христианской фундированности польского национального сознания поляки ничего не могут сделать с трансформацией католицизма в религию гуманизма. Они могут ему противопоставить еще больший национализм, но это еще более отдаляет «польское сердце» от христианства. На их преодоление и должен был обращать внимание славянофил, а не на политическую независимость. Политическая независимость — дело производное и вполне разрешимое. Обретение Польшей государственности не усилило ее славянское сознание, а только разожгло национализм. Здеховский, прекрасно это сознавая, тем не менее постоянно возвращался к мысли (и делу) о политической независимости Польши. Все это мало вязалось со славянофильством. Религиозная нетерпимость с обеих сторон (взаимно) усиливала национальные противоречия и еще более отдаляла чаемое славянофилами единство. Политические претензии при народном согласии теряют силу аргумента, а исторические обиды утрачивают смысл. С точки зрения славянофильства русский в Польше должен быть послом русской культуры, а поляк в России — польской культуры, а не искать компромиссные формулировки между «единой и неделимой» и «незалежной».

Нельзя сказать, что Россия, хотя и отстававшая свою государственность, была в принципиально лучшем положении, чем Польша. Подчинение церкви государству, точнее, европеизирующейся империи выбивало основу духовной свободы русского народа. Государство не действовало в интересах народа, преследуя династические, союзнические и т.п. интересы. Так, России был совершенно не выгоден раздел Польши в конце XVIII века, не решивший вопроса воссоединения ветвей русского народа и в итоге сформировавший этническую химеру украинства и, напротив, только усиливший германские государства, столкновение с которыми стало лишь вопросом времени. Славянофилы, последовательно выступавшие за отмену крепостного права, неоднократно обращали внимание на то, что закрепощение народа совпало с западной переориентацией русской государственности и культуры, а пик его пришелся на «просвещенное» правление Екатерины II. Крепостное рабство — такое же следствие западного пути развития, как и интеллектуальная зависимость и культурная подражательность.

Славянофильское дело принадлежало области свободы слова, совести, поддержки народных интересов, местного самоуправления. Письма Е. Н. Трубецкого прекрасно показывают, что он не славянофил, а либеральный патриот и государственный. Видимость сближения со славянофилами задавалась их либеральной программой. В общении с Здзеховским он постоянно ставил интересы государства выше интересов народов. Славянофил бы действовал на сближение народов. Историческая правда состоит в том, что политическое обособление, разделяющее культуры, их обедняет. А через это ослабляет и само государство. Е. Н. Трубецкой, пожалуй, в большей степени понимал гибельность национализма, чем его корреспондент, прозревавший в национальной исключительности силу политического возрождения. Переписка вскрывает всю трагичность сознания таких людей, как Е. Н. Трубецкой и Здзеховский, без преувеличения — лучших людей своего времени и своего народа, не видевших альтернативы национализму и государственности.

Письма показывают, что Е. Н. Трубецкой рассматривал польский вопрос как часть политической программы кадетской партии, ищущей поддержку на окраинах государства, в том числе и среди националистических сил. В его интерпретации «польского вопроса» славянофильства было еще меньше, чем в посланиях его польского корреспондента, а сами письма отражают историю политической борьбы, а не славянофильства. Западничество кадетов было очевидно, но и противостоящие им правые и левые партии не составляли славянофильской альтернативы. Другое дело, что на фоне своего окружения и среди своих современников Здзеховский и Е. Н. Трубецкой вполне могли

восприниматься славянофилами. Славянофильство Здзеховского проявлялось тогда, когда в своих исследованиях (но не в политической публицистике) он знакомил поляков с русской мыслью XIX века. Славянофильство же Е. Н. Трубецкого сказывалось в несогласии с политикой русификации.

Эго-документы, как правило, содержат свидетельства повседневной культуры, в данном случае — интеллектуальной и политической. Переписка обличает образ жизни адресатов и распространенные формы интеллектуальных практик: завтраки, обеды, визиты, выступления в торжественных публичных собраниях и т. п. В ней, собственно, не отражена кабинетная работа, тихое усиление философских созерцаний. В письмах звучит только злоба дня, но и она лишь подчеркивает праздность быта, тщетность дела и суетливость мысли. Безднадежность затеянного дела была ясна и самому Е. Н. Трубецкому. «...Не слишком доверяйте нашему могуществу», — призывал он своего адресата в начале декабря 1905 года (с. 148). А в апреле 1908-го он откровенно признавался, что «в области деятельности научной, преподавательской и вообще культурной вижу перспективы плодотворной работы, тогда как в политике ничего, кроме бесполезной растраты сил не предвижу, тем более, что политиком по профессии быть не могу. Эпоха же “политиков поневоле” кончилась» (с. 173). Переписка показывает герметичность их круга, за пределы которого не выходила полемика. Они спорили с теми, кто, скорее, являлся единомышленниками, практически не влияли на общественное мнение и были не в силах изменить политическую реальность. Их претензии на власть кажутся беспомощными, поскольку единственная власть, которая принадлежит интеллектуалам — это власть критиковать власть.

Список источников

Аляев Г., Суходуб Т. Русская философия в Украине // Философский полилог. 2021. № 1. С. 143–172.

Аржакова Л. М. Включенное наблюдение: случай Мариана Здзеховского и Анджея Валицкого (заметки на полях) // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 9, № 2. С. 96–121.

Дианова В. М. Польский вопрос в трактовке российских интеллектуалов XIX — начала XX века // Философский полилог. 2019. № 2. С. 109–117.

Здзеховский М. О польском религиозном сознании. М.: Тип. И. Д. Сытина, 1915. 36 с.

Суходуб Т. Негромкая сила мышления (размышления о судьбе историка философии в современном мире) // Философский полилог. 2018. № 2. С. 86–97.

References

Alyaeв, G. and Suxodub, T. (2021) “Russkaya filosofiya v Ukraine” [“Russian Philosophy in Ukraine”], *Filosofskii polilog* [*Philosophical Polylogue*], 1, pp. 143–172.

Arzhakova, L. M. (2025) “Vkluchennoe nablyudenie: sluchai Mariana Zdzekhovskogo i Andzheya Valitskogo (zametki na polyakh)” [“Participant Observation: The Case of Marian Zdziechowski and Andrzej Walicki (Notes in the Margins)”], *Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [*Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*], 2, pp. 96–121.

Dianova, V. M. (2019) “Pol’skii vopros v traktovke rossiiskikh intellektualov 19 — nachala 20 veka” [“The Polish Question as Interpreted by Russian Intellectuals of the 19th and Early 20th Centuries”], *Filosofskii polilog* [*Philosophical Polylogue*], 2, pp. 109–117.

Zdzexovskii, M. (1915) *O pol’skom religioznom soznanii* [*On Polish Religious Consciousness*]. Moscow: Tipografiya I.D. Sytina, 36 p.

Suxodub, T. (2018) “Negromkaya sila myshleniya (razmyshleniya o sud’be istorika filosofii v sovremennom mire)” [“The Quiet Power of Thinking (Reflections on the Fate of a Historian of Philosophy in the Modern World)”], *Filosofskii polilog* [*Philosophical Polylogue*], 2, pp. 86–97.

Информация об авторе: Алексей Валерьевич Малинов — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в Санкт-Петербурге; ведущий научный сотрудник сектора истории российской социологии Социологического института — филиал ФНИСЦ РАН. Адрес: Российская Федерация, 190068, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16.

Information about the author: Alexey V. Malinov — Doctor in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy at the, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University) in St. Petersburg; Leading Researcher at the Sector of the History of Russian Sociology, the Sociological Institute — a branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences Address: 16 Soyuz Pechatnikov Str., St. Petersburg, 190068, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.